УДК 341.67:327 DOI: 10.12737/18234

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Слинько А.А., Орешева Д.Р.[1]

Автор анализирует различные теоретические концепции, на основе которых обосновывает: чем более гегемонистским и более унилатеральным становился мировой порядок, тем больше тормозился межгосударственный диалог по разоружению, все более входя в кризис; сюда же относится формат межгосударственных переговоров вообще, в частности длительное неучастие России в работе «группы семи». Пересмотр теоретических основ сопровождается сменой акцентов в диалоге о разоружении, его реактивацией и продолжением на более паритетных началах. По Галтунгу, так выражается так называемая плюралистическая однополярность, маркирующая переход от унилатерализма к лидерству. Конструктивная позиция России – поиск конструктивных форм партнерства с Западом и сближения с КНР.

Ключевые слова: разоружение, трансформация международной системы, теоретические концепции глобализации, альтернативные модели развития, кризис политики разоружения, гегемониальная стабильность, плюралистическая однополярность.

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS AND PROBLEMS OF DISARMAMENT IN THE ERA OF GLOBALIZATION

***SLINKO* A. A**. — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Voronezh branch (Russian Federation, Voronezh), e-mail: aleksandr_slinko@mail.ru

***ORESHEVA* D. R**.– Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch (Russian Federation, Voronezh), e-mail: gdr5lipetsk@mail.ru

The authors analyze various theoretical concepts on which they substantiate the following: the more hegemonic and unilateral the world order became, the more inhibited interstate dialogue on disarmament was, more and more coming into the crisis. This is also the format of intergovernmental negotiations in general, in particular long-term non-participation of Russia in the "group of seven". Revision of the theoretical foundations is accompanied by a change in emphasis in the dialogue on disarmament, its reactivation and the continuation of more equal footing. According to Galtung, that is the way to express the so-called pluralistic unipolarity, marking the transition from unilateralism to leadership. The constructive position of Russia - search for constructive forms of partnership with the West and the rapprochement with China.

Keywords: disarmament, transformation of the international system, theoretical concepts of globalization, alternative models of development, crisis of disarmament policy, hegemonic stability, pluralistic unipolarity.

Слинько Александр Анатольевич — доктор политических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежский филиал, зав. кафедрой политологии и политического управления, e-mail: aleksandr_slinko@mail.ru.

Орешева Диана Романовна — аспирантка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Воронежский филиал, e-mail: gdr5lipetsk@mail.ru.

Адрес: 394005,Россия, г. Воронеж, Московский пр-т, д. 143.

В США сложилось несколько подходов к перспективам трансформации системы международных отношений. Один из них связан с теорией «гегемонической стабильности». Эта концепция начала формироваться в американской экономической науке еще в 70-е годы. Автором термина считается профессор Гарвардского университета Роберт Кохейн. По его мнению, государство может считаться гегемоном, если оно контролирует сырьевые ресурсы, источники капитала, рынки и обладает конкурентными преимуществами в производстве наиболее высокоценных товаров[1]. Другой специалист, профессор Принстонского университета Роберт Гилпин, выдвигал сходные идеи, предпочитая, однако, говорить не о «гегемонии», а о «лидерстве». Р. Гилпин полагал, что для поддержания гегемонической стабильности требуется согласие, основанное на общности политических и экономических интересов. Расшатывание такой общности, противоречия между гегемоном и другими странами значительно ослабляют такую стабильность.[2].

Впоследствии американский политолог Джозеф Най вывел концепцию за рамки чисто экономического анализа, дополнив ее доказательствами необходимости доминирования одной державы как в экономическом, так и в военно-политическом отношении для достижения стабильности всей системы международных отношений. Р. Кохейн и Дж.Най в своей совместной работе 1972 года отмечали, что в современном мире существует тенденция возрастания противодействия американскому доминированию. Главными претендентами при этом выступают Япония и страны Европы. В связи с этим насущную важность приобретал вопрос о том, какой линии должны придерживаться Соединенные Штаты.[3]

На рубеже 1980— 90-х годов Дж. Най предпринял попытку применить теорию к современным реалиям постбиполярного мира в работе о мировом лидерстве[4]. В ней он прогнозировал формирование системы международных отношений, основанных на лидерстве США. Оспорив тезисы о периоде гегемонии США в послевоенный период и об упадке экономической мощи США в 80-е годы, он утверждал, что у США, тем не менее, есть все основания для сохранения и укрепления своего лидерства при условии изменения подходов к международным отношениям на соответствующие реалиям современного мира.

В современном мире структура ресурсов, обеспечивающих международное влияние претерпевает изменения. В этих условиях традиционная опора на «жесткую силу» во внешней политике США вызывает критику ученого. Он предложил понятие «мягкой силы», которое стало одним из значимых концептов в мировой политике. Мягкая сила основана на использовании таких средств влияния, как привлекательность американской культуры, образа жизни и демократии. Позднее Дж. Най определил «мягкую силу» как способность убедить других хотеть того же, чего хочешь ты, или как непрямой/вовлекающий (co-optive) метод осуществления власти»[5]. Она дает возможность использования новых ресурсов, адекватных вызовам, связанными с возрастанием взаимозависимости субъектов международных отношений.

В конце президентского срока Дж. Буша-старшего, 3 января 1993 года, в Москве был подписан российско-американский Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Он должен был вступить в силу после того, как Украина, Белоруссия и Казахстан ратифицируют договор СНВ-1 от 1991 г. и присоединятся к Договору о

[1] Цит. по: Robert O. Keohane. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. - P.32.
[2] Gilpin Robert. The Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1987. -P.73.
[3] Keohane R.O., Nye J.S. (J.). Transnational Relations and World Politics. - Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972. - P. IX–XXIX
[4] Joseph S. Nye, Jr. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. Basic Books. - 1990.
[5] Nye Joseph Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. - Oxford University Press, 2002. - P. 8

нераспространении ядерного оружия. Договор предусматривал сокращение к январю 2003 г. числа ядерных боеголовок у России и США до 3500 единиц. СНВ -2 содержал также Меморандум о зачислении боезарядов и о данных по тяжелым бомбардировщикам; Протокол о процедурах, регламентирующих ликвидацию тяжелых межконтинентальных баллистических ракет, и Протокол о показах и инспекциях тяжелых бомбардировщиков.

Конгресс США ратифицировал Договор в январе 1996 г. В России процесс ратификации затянулся до 1997 г., поскольку в российско-американских отношениях период, когда разногласия отходили на второй план, закончился вместе с обострением ситуации на Балканах и актуализацией планов по расширению НАТО. 26 сентября 1997 года министр иностранных дел России и госсекретарь США подписали Протокол к Договору СНВ-2, который предусматривал отсрочку исполнения на 5 лет (т.е. с 31 декабря 2007 г.) в связи с тем, что реализация СНВ-2 должна была завершиться в течение семи лет после вступления в силу СНВ-1. Российская сторона ратифицировала Договор в пакете с Протоколом от 26 сентября 1997 г. в апреле 2000 года с условием сохранения договора по ПРО. В США Договор в пакете с Протоколом от 26 сентября 1997 года на ратификацию не выносился и, таким образом, не считался ратифицированным.

С точки с точки зрения Дж. Ная, который в 1993—1994 гг. стал председателем Национального разведывательного совета, а в 1994—1995 гг. — заместителем министра обороны по вопросам международной безопасности, многополярность практически равнозначна дестабилизации. Схожий взгляд на однополярность как систему многосторонних разноуровневых институтов, создающих общее пространство взаимодействия при лидерстве США, был представлен российским читателям в статье, вышедшей в журнале «Политические исследования» в 1997 г. и вызвавшей широкую дискуссию среди российских ученых[1]. Ее автором был А.Л. Страус, занимавший пост директора Ассоциации за объединение демократий — организации, стоявшей на атлантистско-униполяристских позициях. Он высказал идею о том, что «со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной», а униполярность при этом является закономерным итогом эволюции системы международных отношений и «представляет собой конечную точку определенной эволюции, начавшейся в ранние времена модерна с образования многополярного баланса могущества, который в XX в. стал биполярным»[2].

Страус выступает как сторонник понимания глобализации как вестернизации, утверждая, что за этими процессами стоит не только экономическая мощь, но и моральная сила Запада. Постулируя тезис о стабильности однополярной системы, он говорит о таких ее преимуществах, как внутриполитическая стабильность и международный мир, связывая оба эти признака с демократическим устройством западных стран.

Концептуальное оформление идеи неоспоримости американского лидерства связано с появлением концепции «расширения демократии», провозглашенной в сентябре 1993 г. помощником президента США по национальной безопасности Энтони Лейком. Расширение демократии связывалось, прежде всего, с таким новым приоритетом американской внешней политики как содействие демократизации бывших социалистических режимов. Администрация президента-демократа Б. Клинтона в июле 1994 г. положила эту идею в основу директивы «Стратегия национальной безопасности. Расширение и вовлечение» (A National Security Strategy of Engagement and Enlargement). Согласно ей, США должны были содействовать процессам демократизации в постсоциалистических странах с целью превращения их в «стратегический резерв» влияния США. Эта доктрина определяла политику США на постсоветском пространстве и

[1] Сорокин К. Э., Богатуров А. Д., Тихомиров В. Б. Критический обзор модели униполярности (дискуссия) // Полис. Политические исследования. — 1997., № 2. — С. 45— 55

[2] Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. — 1997., №2. — С. 27— 44

в странах ЦВЕ на протяжении всего периода президентства Б. Клинтона (1993— 2000 гг.). В рамках данной стратегии США оказывали финансовую помощь малым и средним странам Восточной Европы, а также содействовали принятию новых постсоциалистических демократий в военно-политические и экономические структуры Запада.

Проведение «гуманитарных акций», направленных на урегулирование вооруженных конфликтов, соответствовало доктрине «расширения демократии». Администрация Б. Клинтона в 1993 г. приняла решение о применении силы против боснийских сербов и Сербии. Постепенно масштабы вмешательства НАТО в боснийский конфликт возросли. Действия вооруженных сил альянса вышли за рамки мандата ООН, определенного резолюцией Совета Безопасности ООН № 836. Москва выступила против нанесения бомбовых ударов, но эти возражения не изменили ситуации. Дейтонские и парижские соглашения, определившие преобразование Боснии и Герцеговины в федерацию и массовое перемещение гражданского населения, а также создание международного трибунала, под рассмотрением которого оказались преимущественно дела сербских руководителей, обвиняемых в военных преступлениях, - формат этих решений был определен позицией США. В этих условиях в России нарастает критика внешнеполитического курса страны. Замена министра иностранных дел А.В. Козырева, проводившего линию солидарности с западными демократиями, на Е.М. Примакова, использовавшего тактику торга и демонстраций, означала его корректировку.

Охлаждение между Россией и западными странами, происходило на фоне принятия Пентагоном «Обзора ядерной стратегии» и новой Национальной военной стратегии 1995 г., по которым наибольшую потенциальную угрозу для США представляли российские ядерные силы, и активизации процесса расширения НАТО. Россия несмотря на участие в программе ПРМ, возражала против расширения альянса, но у нее не было рычагов воздействия на участников этого процесса. Решение о расширении НАТО было официально принято на очередной сессии организации в Мадриде в 1997 году. Таким образом, трансформация системы международных отношений после окончания «холодной войны» на первом этапе завершилась формированием отчетливого однополярного тренда.

Но в 90-е годы активизировались и разработки альтернативных моделей развития. Разрушение биполярной структуры международных отношений вызвало активизацию обсуждения вариантов построения многополярного мира. Хотя ослабление России как правопреемника СССР было очевидно, сохранение ее ядерного потенциала позволяло говорить о том, что она останется одним из значимых центров влияния. Рост экономической мощи Китая, а также перспективы объединенной Европы в 90-х годах виделись достаточным основанием для развития прогнозов построения многополярной системы международных отношений. Тем не менее, многополярность представлялась лишь возможной перспективой, одной из альтернатив мирового развития. И большинство исследователей говорили о вероятности реализации этой модели весьма осторожно.

Например, один из вариантов концепции трансформации системы международных отношений был предложен в 1993 году японским теоретиком Акихико Танака, профессором Токийского университета, а впоследствии Президентом японского Агентства по международному сотрудничеству (JICA). Его концепция предполагает учет трех уровней поляризации международных отношений: общий, экономический и организационно-политический[1]. Если говорить об общем уровне, то по совокупности всех возможностей США являются однозначным гегемоном. В военном отношении после войны в Персидском заливе (1990—1991 гг.) мир стал однополярным.

[1] Богатуров А.Д. Великие державы на тихом океане. // История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). - Москва, 1997. -С.33

В экономическом отношении выделяются уже три полюса мировой силы — США, Германия и Япония. В организационно-политическом отношении роль полюсов выполняют пять держав - постоянных членов Совета безопасности ООН: США, Россия, Китай, Великобритания и Франция, поскольку их статус в существующей системе принятия решений на международном уровне обеспечивает им уникальные возможности, а их опыт в этой сфере служит укреплению такого статуса. Таким образом, концепция А. Танака указывает на сложно структурированную многополярность современного мира. При этом, подчеркивая роль Японии, часто игнорируемую в других концепциях, она постулирует переходность современной структуры международных отношений.

Критика гегемонистской политики и поддержка тактики лидерства содержались в работе британского исследователя Пола Кеннеди[1]. Он обосновывал неизбежность заката могущества держав, реализовывавших гегемонистские внешнеполитические стратегии, на примерах Испании, Нидерландов, Франции, Великобритании и Германии. Прослеживая историю внешнеполитической гегемонии, П. Кеннеди указывает на то, что рост военных расходов, связанный с экспансионистской внешней политикой, неизбежно приводит государство к пределу расходов, за которым стоит истощение экономики. Поэтому поддержание гегемонии в долгосрочной перспективе сопряжено с экономическим спадом. Такое состояние П. Кеннеди обозначил термином «имперское перенапряжение». В этих условиях другие акторы международных отношений получают возможность создания антигегемонистских коалиций, которые вступают с лидирующей державой в конфликт. П. Кеннеди утверждал, что и СССР, и США в своем развитии демонстрируют схожую динамику. Его работа вышла в 1987 году, и распад СССР, по крайней мере, частично подтвердил правоту его выводов. Но его подход ценен еще и тем, что перекликается с прозвучавшим позднее призывом Дж. Ная отказаться от гегемонистской стратегии в пользу непрямых методов воздействия на международную политику.

Скандинавский политолог, специалист по «исследованиям мира» Йоган Галтунг, обращаясь к теме трансформации системы международных отношений после окончания «холодной войны», выделяет целых семь центров влияния, претендующих на глобальную или же региональную гегемонию. В своих работах он анализирует положение и притязания этих центров. Первым центром являются США, установившие свою гегемонию в Западном полушарии и на Среднем Востоке. Й. Галтунг, весьма критически относящийся к внешнеполитическим подходам США и предсказывающий «закат американской империи» к 2020 году[2], отмечает стремление США к абсолютной гегемонии, достижению которой мешают многочисленные противоречия. Например, стремление США к гегемонии в Евразии сталкивается с объективным противодействием Китая, России и Индии, население которых составляет 40% человечества; стремление США к навязыванию союзникам по НАТО своей позиции также может вызвать серьезные конфликты. Кроме противоречий с союзниками и конкурентами сохранению гегемонистской позиции США, по мнению Галтунга, мешают слишком высокие издержки от проведения политики активного вмешательства в региональные конфликты, которая к тому же перестает восприниматься как легитимная. В качестве второго центра Й. Галтунг выделял объединенную Европу, стремящуюся к расширению и к выработке единой внешнеполитической позиции. Третьим центром ему представлялись наиболее развитые государства Ближнего Востока, объединенные приверженностью исламу, четвертым Индия, пятым — Китай, а шестым — Япония. В качестве седьмого центра, с его точки зрения, могла выделиться Россия как лидер стран СНГ. Галтунг

[1] Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. - N. Y.: Random House, 1987

[2] Galtung Johan On the Coming Decline and Fall of the US Empire // TRANSCEND official website. - January 28, 2004 (URL: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/forum/meet/2004/Galtung_USempireFall.html)

констатирует, что при сохранении однополярного тренда и доминирования США развитие альтернативных центров влияния делает международные отношения менее предсказуемыми и более нестабильными.

Сохранение противоречий в области подходов к развитию стратегических вооружений осложняло отношения между РФ и США. Но хотя компромисса по ПРО достичь так и не удалось, США инициировали подготовку нового договора о контроле над вооружениями. В итоге в мае 2002 года, после объявления о выполнении условий договора СНВ-I, был подписан договор СНП (Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, Московский договор), который ограничивал максимальное количество боезарядов от 1700 до 2200. Его недостатками было то, что состав и структура попадавших под сокращение вооружений определялись самими сторонами и не регламентировались, он также не предусматривал взаимных проверок. Кроме того, Договор не предусматривал поэтапного безвозвратного сокращения вооружений: до установленного срока исполнения (2012 г.) боеголовки могли помещаться в хранилища. Это положение было невыгодно для России, не имевшей возможности хранить боезаряды, поскольку срок их хранения истекал в период до 2012 г. Договор вступил в силу 1 июня 2003 года, и его действие было отменено Договором СНВ-III.

Следующим шагом в рамках сближения России и США стало учреждение Совета Россия – НАТО («двадцатки») во время саммита стран НАТО в Риме 28—29 мая 2002 г. Этот орган был призван рассматривать основные вопросы, касающиеся общих интересов России и стран НАТО. Методом работы должна была стать принятая в НАТО практика консультаций по широкому спектру вопросов безопасности. Это ознаменовало начало формирования «особых отношений» между Россией и Североатлантическим альянсом накануне его очередного расширения. Летом 2002 года определились пределы второго расширения НАТО. В ноябре на саммите в Праге было принято решение направить приглашение о вступлении в альянс Болгарии, Латвии, Литве, Румынии, Словакии, Словении и Эстонии. К этому времени о намерении вступить в НАТО официально заявили Украина и Грузия.

К этому периоду относится переход США от стратегии «гуманитарных интервенций» к стратегии «смены режимов», несущих «угрозу международной безопасности», что было связано с обострением ситуации в зоне Персидского залива. Подготовительными этапами стали совместная американо-британская операция «Лис в пустыне»16-20 декабря 1998 г. и «вторая афганская война» 2001—2002 гг. Они показали возможность военного устранения неугодных политических режимов в зонах стратегических интересов США. Президент Дж. Буш-младший, употребивший термин «ось зла» по отношению к государствам, производящим химическое оружие и поддерживающим террористов, провозгласил возможность нанесения по ним упреждающих ударов. Он также не исключал, что подобная «оборонительная интервенция», не предполагающая объявления войны, может включать нанесение ядерных ударов. Объектом применения новой стратегии стал Ирак. Не добившись принятия резолюции СБ ООН, однозначно оправдывающей вторжение, а также натолкнувшись на сопротивление таких партнеров по НАТО, как Франция, Германия и Бельгия, США начали войну против Ирака в союзе с Великобританией и Польшей. Как и в случае с Косово, СБ ООН принял резолюцию № 1483 о послевоенном восстановлении Ирака, фактически легитимирующую свержение режима С. Хусейна, уже после поражения Багдада.

Со своей стороны Россия также трансформировала подходы к ядерному сдерживанию и обороне. В 2003 г. министр обороны С. Иванов заявил о праве России наносить упреждающие удары по готовому к агрессии противнику, а в 2004 г. после теракта в Беслане было сделано заявление о праве России наносить неядерные удары по базам террористов в любой точке мира, что нашло отражение в Военной доктрине РФ в 2005 г. и в Федеральном законе «О проти-

водействии терроризму» в 2006 г. Эти шаги в принципе соответствовали новой американской концепции упреждающих ударов.

Своеобразным ответом на изменение параметров безопасности в связи с расширением НАТО и реализацией концепции «смены режимов» стало создание Организации договора коллективной безопасности на пространстве СНГ. В октябре 2002 г. на саммите в Кишиневе шесть стран-участниц ДКБ (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан) приняли решение о создании Организации договора коллективной безопасности. Устав предполагал создание постоянно действующего секретариата, объединенного штаба и коллективных сил быстрого развертывания на основе предоставляемых участниками воинских контингентов. Расположение базы коллективных сил в Киргизии определяло направленность деятельности организации на Азиатский регион.

Существует точка зрения, согласно которой в период с 1991 по 2008 г. можно говорить о преобладании однополярного тренда мирового развития, при этом сложившаяся однополярность не являлась жесткой. А.Д. Богатуров предложил назвать ее плюралистической[1]. Формировавшуюся на обломках биполярной системы новую структуру международных отношений сложно назвать многополярной, поскольку многополярность предполагает сопоставимость возможностей нескольких ведущих держав и отсутствие выраженного превосходства над остальными у какой-либо из них.

Тем не менее утверждение о складывании в рассматриваемый период моноцентричной однополярной системы также представляется спорным. Устранение из однополярной системы СССР как одного из полюсов не привело автоматически к созданию моноцентричного мира. Прежде всего этому мешала уже упоминавшаяся «остаточная биполярность». Во-вторых, сама внешнеполитическая тактика США, вынужденных в этот период заниматься также решением серьезных внутренних экономических проблем, свидетельствует о стремлении во всех своих значимых инициативах действовать при поддержке широкого круга союзников. Но, обращаясь как к отдельным странам. так и к формальным и неформальным международным организациям, таким как ООН и «Группа семи», даже навязывая свою позицию, США стремились поделить ответственность и делегировать полномочия, избегая явного диктата и не идя на прямую конфронтацию с другими влиятельными участниками международных отношений. Это, безусловно, говорит о том, что гегемонистский вариант многополярности не был реализован.

Для Российской Федерации подобная модель структуры международных отношений являлась скорее неблагоприятной, поскольку экономические и политические связи внутри центра новой однополярной системы, состоящего из развитых государств с мощными постиндустриальными экономиками, характеризовались высокой интенсивностью. Позиционирование в новой системе было весьма непростой задачей, поскольку реализация как явно антизападной, так и однозначно прозападной политической линии была бы с разных точек зрения невыгодна. Дополнительную сложность для определения позиции представляли трудности переходного периода, связанные с выстраиванием институциональной структуры, формированием федеративных отношений, социально-экономическими сложностями периода строительства рыночной экономики[2].

---

[1] Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т./ МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); Сост. Т.А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 281— 292.

[2] Слинько А.А. Политические особенности кризисного этапа мирового развития: проблемы и противоречия. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. — № 2. — С. 184— 186.

В качестве возможных стратегий поведения исследователи рассматривали поиск конструктивных форм партнерства со странами Запада и сближение с КНР. В отношениях с Западом в рассматриваемый период произошло несколько кризисов, в ходе которых позиция России стала более четкой. Кризисы показали, что первоочередную важность в процессе конструирования новой архитектуры международных отношений имеют проблемы разоружения. Именно в поиске общих подходов к проблемам разоружения проявляется такая особенность происходящей трансформации системы международных отношений как невозможность одномоментного разрешения имеющихся противоречий, выдвигающая на первый план ценность компромиссных подходов и необходимость длительной совместной работы над поиском взаимоудовлетворяющей формулы партнерства.

Начало 2000 годов в международных отношениях, с одной стороны, ознаменовалось закреплением однополярного тренда: США, занимая бесспорную позицию мирового лидера, закрепляли свои позиции. За короткое время они перешли от концепции «гуманитарных интервенций» к концепции «смены режимов», легитимировав возможность вмешательства во внутренние дела отдельных государств в зонах своих стратегических интересов как в Европе, так и за ее пределами. Кризис ООН позволил Соединенным Штатам действовать в обход Совета Безопасности, опираясь на структуру НАТО или даже на непостоянные коалиции с отдельными союзниками. Поскольку Россия оставалась единственной страной, сохраняющей паритет с США в области ядерных вооружений, был инициирован переход от стратегии «взаимного гарантированного уничтожения» к созданию новой национальной системы ПРО и новых высокоточных вооружений. Такая трансформация оборонной стратегии позволяла США компенсировать силу сдерживающего фактора российского ядерного потенциала, поскольку участие в новой гонке высокотехнологичных вооружений для РФ на рубеже веков было бы затруднительно в силу наличия экономических и внутриполитических проблем.

Тем не менее расшатывание системы ядерного сдерживания представляло собой особую опасность в условиях кризиса режима нераспространения ядерного оружия и актуализации угрозы международного терроризма. Транснациональная природа угроз и их значительный масштаб делали применение силовой стратегии весьма рискованным не только для сохранения глобального лидерства США, но и для международной безопасности в целом.

Библиография / References:

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане // История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945— 1995). – М., 1997.

2. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия. В 4 т. / МГИМО(У) МИД России; Рос. ассоциация междунар. исследований; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); Сост. Т.А. Шаклеина. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 281 – 292.

3. Слинько А.А. Политические особенности кризисного этапа мирового развития: проблемы и противоречия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 184 – 186.

4. Сорокин К.Э., Богатуров А.Д., Тихомиров В.Б. Критический обзор модели униполярности (дискуссия) // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 45 – 55.

5. Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. – 1997. – №2. – С. 27 – 44.

6. Galtung Johan On the Coming Decline and Fall of the US Empire // TRANSCEND official website. — January 28, 2004 — URL: http://www.oldsite.transnational.org/SAJT/forum/meet/2004/Galtung_USempireFall.html)

7. Gilpin R. The Political Economy of International Relations. Princeton: Princeton University Press, 1987.
8. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. – N. Y.: Random House, 1987.
9. Keohane R.O., Nye J.S. (J.). Transnational Relations and World Politics. – Cambridge, Ma: Harvard University Press, 1972.
10. Nye Joseph Jr. Bound to Lead. The Changing Nature of American Power. Basic Books.–1990. –307 p.
11. Nye Joseph Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. - Oxford University Press, 2002.
12. Robert O. Keohane. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984.

1. Bogaturov, A.D. (1997) Velikie derzhavy na Tikhom okeane [The Great Powers at the Pacific Ocean] // Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945— 1995) [History and theory of East Asian International raltions after World War II]. – M., 1997. (In Russ.)
2. Bogaturov, A.D. (2002) Pliuralisticheskaia odnopoliarnost' i interesy Rossii [Pluralistic unipolarity and interests of Russia] // Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991-2002 [Modern Russian foreign policy and security, 1991-2002]. Khrestomatiia. V 4 t. / MGIMO(U) MID Rossii; Ros. assotsiatsiia mezhdunar. issledovanii; INO-Tsentr (Informatsiia. Nauka. Obrazovanie); Sost. T.A. Shakleina. – M.: ROSSPEN. – P. 281 – 292. (In Russ.)
3. Slin'ko, A.A. (2013) Politicheskie osobennosti krizisnogo etapa mirovogo razvitiia: problemy i protivorechiia [Political perculiarities of world developement's crisis stage] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia. Sotsiologiia. [Proceedings of Voronezh State University. Issue: History. Political science. Sociology].– № 2. – P. 184-186. (In Russ.)
4. Sorokin, K.E., Bogaturov, A.D., Tikhomirov, V.B. (1997) Kriticheskii obzor modeli unipoliarnosti (diskussiia) [Critical overview oa unipolar model (discussion)] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 2. – P. 45 – 55. (In Russ.)
5. Straus, A.L. (1997) Unipoliarnost'. Kontsentricheskaia struktura novogo mirovogo poriadka i pozitsiia Rossii [Unipolarity. The concentric structure of the new world order and the position of Russia] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – №2. – P. 27 – 44. (In Russ.)